

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В НЕОЛИТЕ И РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ ПРИБАЙКАЛЬЯ

Первый опыт выделения археологических культур неолита и раннего бронзового века на территории Прибайкалья относится к началу XX в. На основе известных к этому времени материалов древних захоронений М. П. Овчинников в 1904 г. ввел в научный оборот понятие «китойская культура» для эпохи неолита и «иркутская культура» для обозначения памятников прибайкальской бронзы [11]. Позднее, в 1927 г., по предложению В. А. Городцова термин «иркутская культура» был заменен на термин «глазковская культура», который прочно закрепился в научной литературе.

Следует подчеркнуть, что в 1910–1920-х гг. археологи рассматривали выделенные ими археологические культуры не в качестве относительно самостоятельного феномена, а как периоды (этапы) в длительном и непрерывном эволюционном развитии древней культуры населения Прибайкалья на протяжении неолита и раннего бронзового века. Это соответствовало представлениям эволюционизма. Один из лидеров палеоэтнологических исследований в Сибири профессор иркутского государственного университета Б. Э. Петри считал, что в изучении неолита выделенной им Байкальской провинции (бассейны рек Селенги, Ангары, Верхней Лены и берега оз. Байкала), главной задачей является составление общего представления о неолитической эпохе, особенностях материальной, духовной культуры и социальной организации древнего населения этого обширного региона. И только после выполнения этой задачи можно было перейти, по его мнению, к созданию культур-

но-хронологической классификации, или периодизации археологических культур во времени [17. С. 4].

В конце 1920-х гг. Г. Ф. Дебец, ученик Б. Э. Петри, предпринял попытку выделения в неолите Прибайкалья археологических культур, опираясь на материалы поселений [5]. В дальнейшем А. П. Окладников, еще один ученик Б. Э. Петри, в 1930–1940-х гг. на материалах древних погребений Прибайкалья выделил фактически 6 археологических культур: для эпохи неолита – хиньскую, исаковскую, серовскую и китойскую; для времени бронзы – глазковскую и шиверскую [12; 13]. Выделение культур подчинялось целям создания археологической периодизации неолита и бронзового века Прибайкалья. Поэтому вместо понятия «археологическая культура» было использовано другое – «историко-культурный этап», обозначивший определенный промежуток времени, для которого характерны те или иные взаимосвязанные черты техники, материальной культуры и жизни конкретного древнего общества, в своей совокупности отличающие его от других – предшествующих или следующих за ним [12. С. 11].

Эти культурно-исторические этапы неолита и бронзы рассматривались как последовательно сменяющие друг друга и генетически связанные между собой. Какая-либо перестановка их не предполагалась, поскольку это не соответствовало принципам, на которых была построена вся периодизация неолита и бронзового века Прибайкалья. Помещение каждой археологической культу-

ры в строго определенные ячейки периодизационной схемы ограничивали возможности изучения как вопросов их генезиса, становления, относительной и абсолютной хронологии, так и выявления взаимодействия различных культур.

Наиболее ярко эти затруднения проявились в отношении китойской культуры. Начало дискуссии положил М. М. Герасимов в 1955 г. Не возражая против разработанной предшественниками периодизации, он обратил внимание на то, что китойский этап «разрывает» стройную картину развития материальной культуры Прибайкалья, врезается инородным телом между серовским и глазковскими этапами, не обнаруживая элементарного перехода от серовского к глазковскому этапам. По мнению исследователя, китойский этап не имеет преемственной связи ни с предшествующим, ни с последующим этапом истории. Такое внедрение инородной культуры можно объяснить вторжением нового населения на данную территорию, что вряд ли вероятно. М. М. Герасимов предложил поместить китойский этап перед исаковским [3. С. 445–450].

Попытки выделения в неолите Прибайкалья новых или иная трактовка уже известных археологических культур предпринимались исследователями в 1960–1970-е гг. Они были связаны с накоплением новых материалов и стратиграфических наблюдений на многослойных поселениях Приангарья и Приольхонья (оз. Байкал), которые не укладывались в разработанную А. П. Окладниковым периодизационную схему. Последнее обстоятельство вызвало к ней критическое отношение. В частности, это нашло отражение в тезисе о существовании в неолите Прибайкалья локальных археологических культур.

Проанализировав и сопоставив материалы многослойной стоянки Улан-Хада на Байкале, полученные в 1959 г. Иркутской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством М. П. Грязнова, с результатами раскопок Б. Э. Петри в 1913 г., Л. П. Хлобыстин пришел к выводу, что в слое Г/1 (IX слой по Б. Э. Петри) этого памятника содержатся разновременные культурные остатки – позднесеровские, китойские и глазковские. На основании этих наблюдений он высказал идею о сосуществовании серовской и китойской культур. Обе культуры,

как полагал Л. П. Хлобыстин, имеют истоки в раннеолитических комплексах и обе приняли участие в формировании энеолитической глазковской культуры [24. С. 29; 25. С. 264; 26. С. 96–97].

Г. И. Медведев и Н. А. Савельев, проанализировав материалы слоя П-А поселения Усть-Белая и их стратиграфическую позицию, пришли к следующим выводам: 1) данный слой – несомненно, неолитический комплекс, который предварительно можно датировать временем не моложе V тыс. до н. э.; 2) он является самостоятельным в рамках приангарского региона, поскольку ему нет надежных аналогий в материалах китойских и исаково-серовских погребений. «Группы указанных погребений мы рассматриваем, – писали они, – не как этапы в развитии неолита Приангарья, а как самостоятельные локальные культуры возраста еще более неопределенного, чем усть-бельский неолитический комплекс». Была высказана гипотеза о существовании самостоятельной неолитической культуры в долине р. Белой [20. С. 60–64].

Г. М. Георгиевская на основе изучения материалов поселений верхнего Приангарья и южного побережья оз. Байкал, а также погребальных комплексов сделала вывод о том, что китойская группа памятников долины р. Ангары – это самостоятельная автохтонная культура, оставленная конкретной этнической общностью. Время ее существования – V–III тыс. до н. э. «В общем развитии неолита Прибайкалья исаково-серовские и китойские памятники зародились на общей основе ранних комплексов и представляют два самостоятельных культурно-хозяйственных направления, существующих параллельно, каждый из которых принял участие в формировании глазковской культуры [2. С. 15].

Определенной коррекции подвергся и взгляд на относительную хронологию глазковской культуры. В. В. Свинин, а вслед за ним и Л. П. Хлобыстин, на основе типологической близости позднесеровской и раннеглазковской керамики высказали идею о том, что раннеглазковская культура является позднеолитической [21. С. 170–171; 26. С. 98].

А. П. Окладников верно отметил особенности развернувшейся дискуссии: во-первых, основной целью, которую преследова-

ли сторонники выделения археологических культур в неолите Прибайкалья (Л. П. Хлобыстин, Г. И. Медведев, Н. И. Савельев), было стремление указать на противоречия, содержащиеся в сквозной периодизации, поскольку они пытались ревизовать ее в той или иной мере. Именно этим определяется и полемический характер публикаций. Во-вторых, отмечалось отсутствие у оппонентов развернутой характеристики выделяемых локальных археологических культур [14. С. 5–22]. В то же время трудно согласиться с его общим выводом, что «не принесли результатов... начатые М. М. Герасимовым и другими археологами попытки пересмотра этой схемы», поскольку, «несмотря на все усилия, новая удовлетворительная схема периодизации неолита и ранней бронзы Прибайкалья так и не была построена» [18. С. 151]. Сторонники выделения в неолите и раннем бронзовом веке Прибайкалья археологических культур не ставили перед собой подобной задачи, и не только потому, что для создания новой периодизации было недостаточно данных. Интуитивно они понимали, что куда важнее обратить внимание коллег на возможность и необходимость иного подхода к группировке археологического материала, который позволяет расширить возможность его историко-культурной интерпретации. И это, на наш взгляд, было главным итогом дискуссии. В результате, в частности, понятия «исаковская», «серовская», «китойская», «глазковская культура» перестали быть калькой с понятий «исаковский», «серовский», «китойский», «глазковский этап».

В 1980–1990-е гг. в литературе, посвященной неолиту и бронзовому веку Прибайкалья, термины «исаковский», «серовский», «китойский» и «глазковский этап» при характеристике древностей этого региона использовались гораздо реже, чем «китойская», «серовская» («исаково-серойская») и «глазковская культура». Это произошло по нескольким причинам. Во-первых, в результате изучения погребальных памятников неолита и раннего бронзового века Прибайкалья были получены серии радиоуглеродных дат, которые привели к пересмотру относительного и абсолютного возраста групп древних погребений неолита и бронзового века. В настоящее время не вызывает сомнений ранне-неолитический возраст китойских захоронений (середина VI – вторая половина V тыс. до н. э.). Исако-

во-серовские погребения имеют дату первая половина V – вторая половина IV тыс. до н. э. Погребения глазковского типа датируются в диапазоне от позднего неолита до раннего бронзового века (середина III – вторая половина II тыс. до н. э.) [9. С. 9]. Во-вторых, выявилась невозможность корректной увязки периодизационной схемы неолита и бронзового века Прибайкалья, выработанной в 1950-е гг. на материалах погребений с локальными периодизациями, разработанными исследователями к началу 1980-х гг. для отдельных районов Прибайкалья-Приангарья, Приольхонья, Верхней Лены, в основу которых были положены материалы поселений [18, 23; 4; 6]. В-третьих, развернувшаяся работа по широкой систематизации археологических материалов с целью установления генетического родства либо различия между теми или иными комплексами поселений на территории Прибайкалья выявила существование в неолите региона по меньшей мере пяти керамических «пластов»: «сетчатого» (7 000–5 000 лет назад), хайтинского «шнурового» (6 800–5 000 лет назад), посольского (дата по С 4 880 лет назад), «пунктирно-гребенчатого» (древнее 4 500 лет), усть-бельского (конец III тыс. до н. э.). Эти керамические пласты являются отражением существования в прошлом разнообразных и достаточно устойчивых культурно-технологических традиций, имевших широкие территориальные и хронологические границы. Они могут рассматриваться и как возможный инструмент для выявления контуров археологических культур [19. С. 22–23].

Открытие и изучение в 1960–1990-е гг. стратифицированных многослойных археологических местонахождений неолита и раннего бронзового века на территории Прибайкалья, исследования древних могильников и полученные серии радиоуглеродных дат привели к существенному расширению источниковедческой базы и формированию новых подходов, направленных на интерпретацию археологических материалов, на реконструкцию древней истории населения региона.

В настоящее время схема эволюционного развития неолитических культур Прибайкалья подверглась уточнению, поскольку результаты новых исследований говорят о большей сложности исторического процесса. «Эпоха неолита этого региона начинает выявляться как период сложных взаимоот-

ношений разных по происхождению групп населения с различными культурными традициями» [27. С. 271]. Необходимо подчеркнуть, что это не умаляет огромного вклада, сделанного А. П. Окладниковым, в изучение древней истории Байкальской Сибири.

В настоящее время важной тенденцией в изучении неолита и раннего бронзового века Прибайкалья является проведение комплексных исследований, стремление к интеграции результатов анализа различных видов археологических источников (материалы поселений и погребальных комплексов, петроглифы), антропологических и палеогеографических данных. В этой связи кажется вполне актуальным продолжение работы по выявлению и описанию археологических культур. Усилиями нескольких поколений исследователей (М. П. Овчинников, Г. Ф. Дебец, А. П. Окладников, М. М. Герасимов, Л. П. Хлобыстин и др.) были созданы наглядные образы археологических культур неолита и раннего бронзового века Прибайкалья, ядром которых стали группы погребальных комплексов, поскольку в них оказались зафиксированы некоторые существенные и достаточно стабильные характеристики. Эти наглядные образы археологических культур – серовской (исаково-серовской), китойской, глазковской, успешно выполняли и выполняют целый ряд познавательных функций: распознающую, интегрирующую, нормативную. Именно на основе сформировавшихся ранее наглядных образов археологических культур решаются и вопросы о культурной принадлежности археологического материала поселений и погребений [7. С. 101].

Выделение археологических культур – это не только способ упорядочивания и систематизации наличного археологического материала, но и группировка, направленная на интерпретацию источников: на выявление культурно-технологических традиций в изготовлении каменных, костяных, металлических орудий, керамики и т. п., на реконструкцию хозяйства, этнокультурных характеристик и иных сторон культуры древнего населения. Можно согласиться с утверждением, что «археологическая культура – фундаментальное понятие археологической науки на уровне археологической интерпретации» [10. С. 5]. Понятие «археологическая культура» многопланово и многозначно по своему содержанию, как многозначны при

всей своей фрагментарности и ущербности лежащие в ее основе археологические источники, которые в совокупности содержат информацию о различных сторонах некогда живой, динамичной культуры далекого прошлого. Попытки достаточно четко определить границы применения этого понятия, видимо, никогда не будут окончательными.

Наиболее ярким, узнаваемым компонентом известных археологических культур неолита и раннего бронзового века Прибайкалья продолжают оставаться погребальные комплексы. Материалы поселений коррелируются с ними по линии сопоставления типологически сходных вещей и установления синхронности их бытования во времени. Совокупные данные по неолиту и раннему бронзовому веку Прибайкалья – материалы поселений, могильников, антропологические свидетельства – позволяют говорить о существовании здесь нескольких больших археологических культур, территориальные и хронологические рамки которых в данное время намечаются в довольно широких пределах.

Китойская культура – ранний неолит (середина VI – вторая половина V тыс. до н. э.). Она охватывает, судя по погребальным памятникам, а отчасти и по материалам поселений, нижнее течение р. Селенги, южное побережье оз. Байкал, Верхнее Приангарье, Приольхонье и Верхнюю Лену. Вероятным ядром этой культуры являются памятники, расположенные на территории Верхнего Приангарья, особенно в южной его части. Здесь сосредоточено 75,1 % всех известных китойских могил и 78,1 % погребенных [1. С. 12]. С одной стороны, китойским захоронениям присущи общие, объединяющие их признаки (вытянутое положение умерших на спине, засыпка их красной охрой, присутствие среди инвентаря составных рыболовных крючков, вкладышевых орудий и др.), а с другой стороны, для каждого крупного региона Прибайкалья характерна в погребальном обряде известная специфика. Так, преимущественно для Приольхонья и Верхней Лены типично наличие внутримогильных и надмогильных каменных кладок. Для Приольхонья достаточно характерно положение умерших на боку с подогнутыми ногами [Там же. С. 13]. О том, что долина Ангары была основным местом обитания китойцев, свидетельствуют и палеоантропологические

данные [8. С. 140–141]. Возможно, к китайской культуре следует отнести и ранний пласт сетчатой керамики, основываясь на находках подобной керамики (пока еще немногочисленных) в китайских погребениях.

Серовская культура – это финал раннего – средний неолит (V – середина III тыс. до н. э.). Территориально охватывает все Прибайкалье. Но обращает на себя внимание тот факт, что наибольшая концентрация известных могильников, относящихся к этой культуре (учитывая и неравномерность археологической изученности края), сосредоточена в долине р. Ангары – от устья р. Белой до г. Братска и в долине Верхней Лены – от пос. Качуга до пос. Жигалово. Вероятно, эта культура характеризуется значительным разнообразием и мозаичностью культурных традиций, что нашло свое проявление в следующем: в существовании различных керамических «пластов» – «сетчатой» керамики (сосуды круглодонные или остродонные, простой или сложной формы, иногда орнаментированные по венчику пояском круглых рамок), посольской, «пунктирно-гребенчатой» керамики; в разнообразии каменного инвентаря – наконечники стрел треугольной или листовидной формы с вогнутой или прямой базой, тесла простые и «ступенчатые», топоры с «ушками», рыбы-приманки из камня, наконечники стрел с черешком и др. В отдельных районах Прибайкалья – в Приангарье, Приольхонье и на Верхней Лене, обнаруживается известное культурное своеобразие, в частности в погребальной обрядности, истоки которого, вероятно, закладывались в раннем неолите.

Можно в качестве гипотезы высказать предположение о том, что территорией формирования серовской (исаково-серовской) культуры была Средняя Ангара, включая и бассейн р. Илима и прилегающие к нему районы Верхней Лены. Возможно, из этой области началось в конце раннего неолита расселение «исаково-серовцев» в нескольких направлениях – на восток в бассейн нижней Ангары («серовский клин», о котором писал еще А. П. Окладников), на юг в бассейн Верхней Ангары и расселение по Верхней Лене и ее притокам как на юг, вплоть до оз. Байкала, так и на север, до впадения в р. Лену Киренги, а возможно, и вплоть до устья р. Витима.

Глазковская культура – это поздний неолит – ранняя бронза (вторая половина

III – вторая половина II тыс. до н. э.). Охватывает всю территорию Прибайкалья. Ее формирование происходит на основе поздне-неолитических комплексов серовской культуры. Наиболее четко эта преемственность прослеживается при сопоставлении вещей из погребений этих культур: в серовских и глазковских захоронениях имеются сосуды митровидной формы с «ушками», каменные наконечники стрел с черешковым насадом, каменные рыбки-приманки. С этим согласуется и антропологическая близость серовского и глазковского населения. Керамика глазковской культуры разнообразна. Наиболее типичными являются круглодонные сосуды с оттисками «рубчатой» лопатки и гладкостенные сосуды простой или сложной формы с отогнутым наружу венчиком. Орнаментированы они по верхней части тулова и шейке горизонтальными рядами «выпуклин-жемчужин» или в технике отступающей лопатки, в сочетании с группами горизонтально и вертикально прочерченных линий. На стоянках каменный инвентарь представлен шлифованными топорами из нефрита, наконечниками стрел удлиненно-треугольной формы с прямой, вогнутой или овально-выпуклой базой. Эти вещи типологически сопоставимы с предметами из глазковских погребений. Для глазковской культуры характерно появление первых, еще немногочисленных изделий из меди и ее сплавов с оловом или мышьяком – листовидные ножи, кольца, иглы и трубчатые игольники. Эта металлургия развивалась на основе использования местного сырья – самородной меди и медистых песчаников Иркутского амфитеатра [22].

Изучение археологических памятников глазковской культуры продемонстрировало не только их повсеместное распространение по Прибайкалью, но и большее, чем прежде, единство в материальной культуре и погребальном обряде населения Приангарья и Верхней Лены. Эту особенность подметил еще А. П. Окладников. Он писал о своеобразной интеграции культуры, которая охватывает в глазковское время весь регион Прибайкалья [16. С. 106]. Но внутри этой культурной общности, несомненно, существовали и локальные культурные традиции, имела место антропологическая и, возможно, этническая неоднородность «глазковцев».

Охарактеризованные в самом общем виде большие археологические культуры не рассматриваются нами как некие заменители культурно-исторических этапов неолита и бронзового века Прибайкалья. Их не следует рассматривать и как еще один вариант периодизации. Совершенно очевидно, что с накоплением новых фактов, наблюдений неизбежны изменения в общей характеристике археологических культур, оценке их территориальных и временных границ и даже выделение новых археологических культур.

Необходимо подчеркнуть, что по своей внутренней структуре каждая из этих археологических культур не является и не может быть однородной. У каждой культуры в определенный промежуток времени должно было существовать достаточно стабильное ядро, где населением длительное время сохранялись наиболее характерные культурные традиции и менее устойчивая, а потому и более изменчивая, и более восприимчивая к инокультурным влияниям периферия. Именно на периферии культуры, в зонах активных межкультурных контактов, в пограничных районах в результате взаимодействия могли формироваться «гибридные» культуры. Ритмика развития и изменений в археологической культуре – в ее территориальном ядре и на периферии, будет неодинакова. Отсюда и разная скорость формирования новаций, и различная длительность сохранения тех или иных культурных традиций в ядре археологической культуры и на ее окраине. В этой связи важной является задача выявления развития и трансформации археологических культур неолита и ранней бронзы Прибайкалья во времени и пространстве. Следует отметить, что первые шаги в этом направлении были предприняты уже А. П. Окладниковым, который выделил в серовской и глазковской культурах ранние и поздние группы захоронений.

Предлагаемый подход нацелен не только на выделение археологических культур, но и на выявление взаимодействия носителей археологических культур во времени и пространстве, на выявление внутренних изменений в культуре. В конечном счете он ориентирован на более полную и всеобъемлющую реконструкцию панорамы культур неолита и раннего бронзового века Прибайкалья.

Список литературы

1. *Базалийский В. И.* К проблеме хронологической и пространственной интерпретации погребений эпохи раннего неолита на территории Байкальской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий (материалы международного симпозиума). Новосибирск, 1998. Т. 2.
2. *Георгиевская Г. М.* Китайская культура Прибайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979.
3. *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // ТИЭ. М., 1955. Т. 28.
4. *Горюнова О. И.* Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984.
5. *Дебец Г. Ф.* Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья (палеоэтнографический этюд) // Изв. ассоциации НИИ при физ.-мат. фак. МГУ. М., 1930. Т. 3, № 2-А.
6. *Зубков В. С.* Неолит и ранний бронзовый век Верхней Лены: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982.
7. *Кудрявцева О. М.* Наглядные образы археологических культур как форма перехода к организованному единству археологических источников // Археологические культуры и культурная трансформация: Материалы методического семинара ЛО ИА АН СССР. Л., 1991.
8. *Мамонова Н. Н., Мовсесян А. А.* Территориальная и эпохальная изменчивости населения Прибайкальского неолита // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий (материалы международного симпозиума). Новосибирск, 1998. Т. 2.
9. *Мамонова Н. Н., Сулержницкий Л. Д.* Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Иркутск, 1986.
10. *Массон В. М.* Феномен культуры и культурогенез древних обществ // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛО ИА АН СССР. Л., 1991.
11. *Овчинников М. П.* Материалы для изучения памятников древностей в окрестнос-

- тях г. Иркутска // ИВСОИРГО. Иркутск, 1904.
12. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. М.; Л., 1950. № 18.
13. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Глазковское время // МИА. М.; Л., 1955. № 43.
14. *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары. Новосибирск, 1974.
15. *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары (от Серова до Братска). Новосибирск, 1976.
16. *Окладников А. П.* Верхоленский могильник – памятник культуры народов Сибири. Новосибирск, 1978.
17. *Петри Б. Э.* Сибирский неолит. Иркутск, 1926.
18. *Савельев Н. А.* Проблемы исследований неолитических поселений на юге Средней Сибири // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982.
19. *Савельев Н. А.* Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989.
20. *Савельев Н. А., Медведев Г. И.* Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
21. *Свинин В. В.* Периодизация археологических памятников Байкала // ИВСОГО. Иркутск, 1976. Т. 69.
22. *Сергеева Н. Ф.* Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск, 1981.
23. *Синицына Г. В.* Неолитические памятники Верхней Ангары (по материалам поселений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
24. *Хлобыстин Л. П.* Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б. Э. Петри) // КСИА. М., 1964. Вып. 97.
25. *Хлобыстин Л. П.* Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. МИА. М.; Л., 1965. Т. 5, № 135.
26. *Хлобыстин Л. П.* Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. М., 1978. № 153.
27. *Хлобыстин Л. П.* Восточная Сибирь и Дальний Восток. Неолит Прибайкалья // Неолит Северной Азии. Археология. М., 1996.

Материал поступил в редколлегию 09.10.2006